

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

М.Н. Недосейкин

**ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕКА
И ФЕНОМЕН КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ
В ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
(после 1945 г.)**

Учебно-методическое пособие для вузов

Издательско-полиграфический центр
Воронежского государственного университета
2012

ВВЕДЕНИЕ

Пособие содержит материал лекций по одной из самых актуальных тем современных гуманитарных наук: теме культурной памяти. В ее рамках получают новое освещение самые разные аспекты и явления мировой цивилизации. Особое место в этом ряду занимает как раз проблема человека. Предлагаемое учебно-методическое пособие содержит материал, знакомящий студентов старших курсов с этой сложной отраслью современных научных исследований. Поставленная таким образом цель определила и структуру пособия: краткое изложение теоретических разработок в этой области, пример возможного анализа произведения, рассмотренного в перспективе двуединой проблематики (культурной памяти и человеческой сущности), также представлены методические указания для самостоятельной работы студентов.

ЗАНЯТИЕ I

ФЕНОМЕН КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ И ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕКА

На сегодняшний момент можно с уверенностью констатировать тот факт, что гуманитарные науки продолжают находить продуктивные точки соприкосновения, плодотворная разработка которых, безусловно, может стать фундаментом для нового витка эволюции «наук о духе» (термин В. Дильтея). При этом необходимо сказать, что речь не идет об уже устоявшейся традиции взаимообогащения на уровне метода или конкретных аналитических приемов и общетеоретических представлений. Подобные экстраполяции, позволяющие создать довольно интересные, но порой чрезвычайно спорные, с научной точки зрения, интерпретации того или иного культурного или литературного явления, сегодня «заслоняются» совместными разработками какого-либо одного феномена, само функционирование которого требует междисциплинарного подхода. Думается, что именно такая судьба «сложносочиненного» объекта предопределена феномену культурной памяти, отразившаяся уже в оформлении целой отрасли «memory studies».

В этом контексте нелишним будет напомнить, что появление столь фундаментальной проблематики напрямую было связано с деятельностью отечественного литературоведа и семиотика Юрия Михайловича Лотмана (1922–1994). Именно он в ряде своих поздних работ, посвященных типологии культуры, ввел в оборот наиболее устойчивые словосочетания, призванные отныне обозначать разбираемую здесь проблематику: «культурная память» или «память культуры». Очевидно, что по этой причине стоит

На столь высокий статус интересующей нас здесь проблематики неоднократно указывал и французский философ Поль Рикер (1913–2005). В своем фундаментальном исследовании «Память, история, забвение» (2000) он неоднократно возвращался к вопросу о соотношении жизненных установок современной Европы и относительно недавнего исторического прошлого (особенно некоторых печально известных эпизодов Второй мировой войны). Современная культура, по мнению Рикера, все еще стоит на перепутье: то ли обратиться к модели священной памяти, то ли к модели забвения, то ли к опыту «трудного прощения». Все это еще раз свидетельствует о повышенной актуальности рассматриваемой здесь проблематики.

Представляется очевидным, что особое место в этой ситуации означенного выше выбора принадлежит современной литературе, то есть литературе как раз сложившейся в основном под влиянием последней мировой катастрофы. Особенно это касается произведений писателей постмодернистского склада. Ведь их откровенная культуроцентричность связана, по меньшей мере, с тремя причинами. Во-первых, литература даже в сугубо техническом плане соотносится с механизмами памяти, любой художественный текст «оказывается имитацией хода воспоминания» [Смирнов, 18]. Литература всегда имеет дело с уже-прошлым, по-другому она в принципе не может существовать, следовательно, она вынуждена постоянно возвращаться к самой себе и осмысливать собственное начало и исток. Во-вторых, многие популярные писатели-постмодернисты имеют очень серьезное филологическое образование. Самый яркий пример, пожалуй, – это Умберто Эко, совмещающий в себе лингвиста, историка, семиотика и автора «интеллектуальных» бестселлеров. В-третьих, литература, в силу самой своей подвижной и противоречивой природы, всегда принимает активное участие в формировании объема и ведущих принципов культурной памяти, а порой и определяет логику ее будущего развития. По крайней мере, художественные произведения предлагают набор равновеликих возможностей, выбирать из которых предоставляется уже читателям. Таким образом, конкретные литературные тексты оказываются сосредоточием практически всех наиболее важных вопросов современности, чуть ли не идеальным научным материалом для изучения феномена культурной памяти.

Обращение к механизмам культурной памяти в XX веке стало особенно наглядным сразу после окончания Второй мировой войны, которая подняла много фундаментальных и экзистенциальных вопросов, потребовавших интеллектуально ответственных ответов со стороны европейской цивилизации. Одним из наиболее важных узловых моментов по восстановлению былой коллективной идентичности стала дискуссия о человеке, о его

вновь обозначавшейся бытийной неблагополучности. Другими словами, человек стал пониматься в аспекте собственной *проблематичности*: как возможен человек, что есть такое в человеке, что могло бы помочь ему восстановить человеческое начало, столь очевидно утраченное? Сложность этого вопроса долгое время скрадывалась всеобщей эйфорией, охватившей победившие страны. Победители не хотели замечать вполне очевидный факт: вопрос о человеке касается и их в том числе. Невозможно абсолютно сохранить себя в войне, которая имеет не только физическое, но и всегда метафизическое измерение.

Эта ситуация по-своему отразилась и в искусстве, которое стремилось художественно осмыслить случившееся. Однако и здесь все было не так-то просто, ведь искусство имело дело с событием фактически беспрецедентным и, следовательно, было поставлено перед необходимостью либо пользоваться старыми способами изображения, либо изобретать новые. Выбор всегда оставался за конкретным художником, однако определенная логика в этом выборе все-таки прослеживалась. В первом случае ко Второй мировой войне подходили с точки зрения традиции, которая до некоторой степени «сглаживала углы», включая эту войну в длинный ряд войн, отраженных в литературе. В этом случае получалось, что это была просто последняя война, война невиданных масштабов. Но, скажем так, качественного отличия здесь не проводилось. Совсем иначе дело обстояло с теми писателями и художниками, которые стремились передать специфику этой войны и для этого прибегали к поиску новых художественных форм, в которых бы читатель двадцатого века не чувствовал себя предельно комфортно и безопасно. Кстати говоря, именно поэтому многие исследователи культуры и литературы считают, что после 1945 года западноевропейское искусство претерпело необратимые изменения, приведшие, в том числе, и к появлению эпохи постмодернизма [См.: Лиотар].

Пожалуй, наиболее точно и ясно эту общую ситуацию выразил немецкий философ Т. В. Адорно (1903–1969) в своей финальной работе «Негативная диалектика» (1966). Парадокс существования искусства «после Освенцима», по его мнению, заключается в следующем. С одной стороны, искусство не имеет морального права существовать «после Освенцима», с другой, – не может не существовать, так как не имеет права «забыть Освенцим». Выход ему виделся в том, чтобы создавать такие произведения искусства, которые бы существовали в форме самоотрицания, саморазоблачения, самодеструкции, что по-своему бы моделировало и особенности современного мира [См.: Адорно, 322–333].

В центре же всех этих противоречивых процессов по-прежнему находится современный человек, утративший некое важное, возможно фундаментальное измерение собственного существования. Проблема человека – задача человека. Именно в категориях «недостачи», «дефицита», «нехват-

ки» (обратные им – различные категории «восполнения») и осмысливается человек в данной ситуации. Впрочем, эта мыслительная традиция имеет довольно глубокие корни в истории западной цивилизации. Здесь же нам будет необходимо только немного напомнить основные варианты этой важной истории. Так, для христианской культуры речь будет идти о «нехватке» божественного начала в человеке, о постоянном стремлении преодолеть все греховное в себе. В эпоху же Возрождения постепенно формируется «светский» вариант: человек ищет основание в самом себе, учится исходить из самого себя, следовательно, собирается и отвечать за самого себя.

По отношению к этим двум линиям развития культурной «антропологии» можно обозначить еще две характеристики, которые вместе с уже обозначенными (сакральное и профанное) позволяют создать своеобразную классификационную матрицу, улавливающую различные варианты интересующей нас здесь проблематики. Речь идет о поиске собственной сущности либо во вне, либо внутри человека. В первом случае признается открытость человека, его способность к постоянному выходу за собственные границы. В другом же очевидно стремление к авторефлексивности, к постоянному самоуглублению.

Правда, и в одном, и в другом случае мы сталкиваемся с поиском чего-то недостающего человеку. В качестве искомого может выступать разум, нравственность, свобода, язык, труд и т.п. Литература и искусство второй половины двадцатого века заново стали осмысливать эти феномены, стараясь найти связь между ними и человеком, пытаясь опознать в них то самое, что было утеряно во время Второй мировой войны и что необходимо восполнить, вернуть любой ценой. В этом интеллектуальном и духовном движении как раз и происходит встреча обрисованной здесь проблемы человека и феномена культурной памяти, которые поддерживают друг друга в трудном опыте обретения достойного человека смысла.

Литература

1. Адорно Т.В. Негативная диалектика / Т.В. Адорно ; пер с нем. Е.Л. Петренко. – М. : Науч. мир, 2003. – 373 с.
2. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман ; пер. с нем. М.М. Сокольской. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 363 с.
3. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар ; пер с фр. Н. А. Шматко. – М. ; СПб. : Ин-т эксперим. социологии : Алетейя, 1998. – 159 с.
4. Лотман Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. – СПб. : Искусство- СПб., 2010. – 704 с.